

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой вдовствующая графиня
остаётся без завтрака, а ее галльский бульдог
находит себе неожиданного друга*

Леди Камилла Конвей, вдовствующая графиня Торнфилд, пригубила чай и поморщилась: остыл.

Чай холодный, сэндвичи с огурцом подсохли, масло размякло... Разве что мармелад взять?

С легкой улыбкой она намазала золотисто-оранжевый полупрозрачный джем на подсушенный тост и проговорила:

— Это очень интересно, дорогая, продолжай!

Ее невестка подавила вздох, тоже пригубила чай и проговорила, очаровательно улыбаясь:

— Камилла, мне интересно, почему вы решили поменять поставщика?

— Поставщика чего? — Старшая леди отставила чашку и нахмурилась. Слегка, чтобы не появились морщины.

— Дорогая, вы всегда покупали мармелад у миссис Пламптон, так ведь?

— Да, ты права.

— Ну вот! — и пальчик с розовым ногтем непочтительно ткнул в банку с тщательно завинченной

крышкой. — А этот — от «Фортнум и Мейсон», тот самый, которым вы всегда были недовольны!

Вдовствующая графиня взяла банку в руки и, держа на некотором расстоянии от себя (появившуюся дальнорюкость она старалась игнорировать), стала изучать этикетку. В самом деле, бирюзовый фон, золотые буквы, поставщик двора его величества...

— Странно, — пробормотала она.

Графиня действующая улыбнулась, и в ее крови запело торжество. «Неужели я сумела ее задеть? В первый раз за пятнадцать лет, помоги мне святая Кристина, я сумела ее задеть! Сто восемьдесят ежемесячных совместных завтраков, чтоб мне подурнеть, и каждый раз она была так невыносимо любезна, что мне даже пожаловаться Артуру было невозможно!»

В общем-то, леди понимала, что Артур Джонатан Конвей, граф Торнфилд, ее муж и старший сын леди Камиллы, вряд ли стал бы прислушиваться к ее жалобам. Но иногда очень, очень хотелось, чтобы ее обняли, погладили по плечу и сказали: «Да не обращай внимания, я ведь с тобой!»

Тем временем леди Камилла успела позвонить в колокольчик, и через мгновение в дверях появилась сухопарая дама неопределенного возраста, примерно между сорока и семьюдесятью, с желтоватым лицом и поджатыми губами. Ее темно-синее форменное платье было образцово некрасивым, а прическа могла бы послужить вдохновенному живописцу моделью для детали портрета мегеры домашней обыкновенной.

— Миссис Гривс, на кухне все в порядке? — мягко спросила вдовствующая графиня.

— Да, миледи, насколько мне известно.

— Мы не меняли кухарку?

— Нет, миледи.

— Тогда скажите мне, пожалуйста, отчего именно сегодня к завтраку был подан этот мармелад? Вы ведь знаете, как важны для меня встречи с моей дорогой леди Сесилией! — в последней фразе прозвучал небольшой упрек, но даже самый внимательный слушатель не определил бы, обращен он к экономке, к невестке или к обеим сразу.

Мельком глянув на стол, миссис Гривс еще сильнее поджала губы.

— Обычно мы покупали домашний мармелад у миссис Пламптон, — сказала она. — Раз в три месяца, двадцатого числа, дюжина банок.

— Вчера было как раз двадцатое, — кивнула леди Камилла.

— Да, миледи. Но доставки не было. Вечером я попыталась связаться с миссис Пламптон, но ее коммуникатор не отвечал. Сегодня утром отправила туда Дженкинса, он стучал и звонил, но двери не открыли.

— Он стучал в дверь черного хода или в парадную тоже? — спросила внезапно леди Сесилия.

— Как можно, миледи? — вскинула брови экономка. — В дверь черного хода, разумеется.

— Я поняла вас, миссис Гривс. — Леди Камилла кивком отпустила женщину и повернулась к невестке.

Та натягивала перчатки.

— Дорогая *belle-mère*, как бы ни хотелось мне провести с вами побольше времени, но я должна идти. Сегодня заседание Комитета...

— Рада была повидать тебя, милая, — кивнула вдовствующая графиня. — Привет мальчикам. С Артуром я,

скорее всего, увижусь в воскресенье в Лингфилд-парке, на скачках.

— Да, конечно, — пробормотала леди Сесилия.

Скачки интересовали ее куда меньше, чем причины смены марки джема к вечернему чаю.

— Кстати, скажи мне, почему ты спросила, куда именно стучался Дженкинс? — уже у двери гостиной окликнула ее свекровь.

В ответ Сесилия лишь пожала плечами.

Когда за невесткой бесшумно закрылась дверь, леди Камилла откусила еще кусочек от тоста с джемом, прожевала, поморщилась и отложила.

— Решительно, этот мне не нравится, слишком стандартный вкус. Сколько бы лет они ни были поставщиками двора. Что же случилось с миссис Пламптон?

Понятно было одно — она умрет от любопытства, если этого не выяснит. Возможностей, разумеется, было несколько: можно отправить того же Дженкинса, чтобы он выяснил у соседей и дежурного городской стражи, что произошло. Но Дженкинс, совершенно незаменимый, если требовалось отнести багаж или сопроводить хозяйку в магазин, сообразительностью не отличался. Он бы наверняка не задал нужные вопросы или задал ненужные...

Второй вариант — пригласить к ужину сэра Джастина Хьюза. Отставной суперинтендант городской стражи всегда был в курсе всех городских происшествий, иногда даже раньше, чем нынешний глава следственного отдела, полковник Паттерсон. На резонный вопрос «Как?» сэр Джастин пожимал плечами, рассеянно улыбался и отвечал: «Птички на хвосте принесли». Поскольку каждое утро он кормил птиц на дорожках

Беркли Сквер, рядом со своим домом, ответ этот представлялся двусмысленным.

Наконец, был и третий путь, и, говоря по правде, леди Камилла склонялась именно к нему. Она могла пойти гулять с собакой. Да, вот именно: прогулка — именно то, что им обоим сейчас необходимо!

Дважды позвонив в колокольчик, хозяйка вызвала дворецкого.

— Гривс, кто-нибудь выгуливал сегодня Бони?

— Тимминг, миледи.

— О боже, бедному мальчику явно недостаточно!

Тимминг всегда ограничивается прогулкой в четверть часа. Вот что, скажите Дженкинсу, чтобы он надел на Бони ошейник и поводок и ждал меня у двери.

— Да, миледи. — Дворецкий поклонился и исчез.

Неизвестно, что думал о маленьком галльском бульдоге Гривс, он вообще был молчалив и необыкновенно тих, а также обладал умением появляться именно тогда, когда хозяйка собиралась его позвать. Зато члены семьи — три сына леди Камиллы, дочь, две невестки и один из внуков — отзывались о песике отрицательно. Нет, они любили собак: для охоты старший, Артур, держал в поместье десяток борзых, в городском особняке более или менее мирно уживались его ретривер и болонка Сесилии. Младший сын, Уильям, предпочитал дирхаундов. Конечно, никто из них ни слова не сказал бы, если бы леди Камилла завела бритвальдского бульдога. Но галльский?..

Да еще и по кличке Бони?.. Ведь Бони — прозвище Наполеона Бонапарта, распространенное в Бритвальде. Называть собаку столь одиозным именем, с точки зрения родичей, было несправедливо — разумеется, по отношению к псу.

Не прошло и получаса, как леди Камилла, в твидовой юбке и уличных туфлях, неторопливо шла следом за маленьким черным псом. Тот мотался на конце поводка, словно обязан был изучить все подписи на окрестных деревьях, кустах и столбах.

Леди и ее питомец погуляли на любимой Сент-Джеймс Сквер, неторопливо дошли до Пикадилли, и здесь Камилла подхватила пса на руки, несмотря на его ворчание.

— Бони, дорогой, — говорила дама, поглаживая лоб висящего у нее под мышкой маленького бульдога. — Ты же умный, должен понимать: ни по Пикадилли-серкус, ни в Сохо таким, как ты, лучше не гулять самостоятельно. Зачем тебе неприятности?

Шумное сопение леди Камилла решила считать согласием, перехватила Бони покрепче, решительно пересекла площадь Пикадилли и углубилась в веселый квартал Сохо.

Несмотря на раннее время, большая часть ресторанов уже открылась (а некоторые из чиньских и вовсе не закрывались), и запахи хлынули оттуда волной. Вообще-то сегодняшний завтрак не оставил о себе никаких воспоминаний, и леди Камилла поймала себя на крамольной мысли, что от чашки лапши с креветками или кусочка жареной утки она бы не отказалась.

— Нет, — со всей твердостью сказала себе вдовствующая графиня. — Сперва дело. А потом мы с тобой, Бони, подумаем, следует ли галльскому бульдогу из хорошего дома позволять себе экзотические блюда в одиннадцать утра.

Бульдог душераздирающе хрюкнул.

— Так, что говорил Дженкинс? — сдвинув брови, вспоминала Камилла. — С Шафтсбери-авеню повернуть

налево, на Грейт-Уиндмил-стрит, и сразу за пабом «Лирик» снова налево, в тупик. Ага, вот сюда...

Здесь невыносимое искушение вновь стиснуло ее желудок: нужная ей коричневая дверь была плотно закрыта. А вот соседняя, стеклянная, гостеприимно распахнута. Возле двери на пюпитре манило перечнем блюд раскрытое меню, а рядом кланялся и улыбался немолодой чинец в шелковом бирюзовом халате.

— Вы проголодались, госпожа? — Его всеобщий язык был безупречен, только легкое пришепетывание говорило о том, что родился сей почтенный господин далеко к востоку от Бритвальда. — Как раз сегодня нашему повару особенно удался карп-белка. Прошу вас! — и он снова почтительно склонился.

— Н-ну, хорошо, — леди Камилла оглянулась, будто Сесилия могла за ней последовать и укоризненно качать головой из-за угла. — Но с одним условием!

— Каким же, милостивая госпожа?

— Вы со мной поговорите!

Усевшись за стол, леди устроила Бони на соседнем стуле, на подушке, принесенной молоденькой официанткой. Потом нетерпеливо мотнула головой на поданное ей меню.

— Что вы предлагали? Карпа? Вот его и давайте. Еще, пожалуйста, что-нибудь мясное, но не жирное, для собаки, а мне — зеленый чай. И прошу вас, господин?..

— Этого недостойного зовут Ли Бэй, госпожа, а сие скромное заведение, называемое «Сосна и журавль», принадлежит моему брату Чунгу и мне.

— Очень хорошо. Прошу вас присесть за стол и разделить со мной трапезу.

Пожилый чинец примостился на краешке стула напротив и сложил ладони.

Из карпа таинственным образом испарились все косточки, и он прямо-таки таял во рту, а кисло-сладкий соус что-то неуловимо напоминал... Но вот именно, что неуловимо!

В конце концов леди Камилла не выдержала и спросила:

— Господин Ли Бэй, я знаю, что традиционная чиньская кухня любит загадки и маскирует свинину под рыбу, а рыбу — под курицу. — Тут чинец заулыбался. — Но все же скажите мне. В этом соусе я чувствую какой-то знакомый вкус. Что это?

— Сливы, госпожа. Всего-навсего кислые сушеные сливы.

— Очень хорошо! — Она удовлетворенно откинулась на спинку стула и сделала маленький глоток чая.

Бони, храбро разделавшийся с блюдцем жареной печени, заворчал во сне.

— Итак, милостивая госпожа, что привело вас в этот переулок, куда редко заглядывают высокие господа? — спросил Ли Бэй, когда покончено было и с чаем.

— Полагаю, вы знаете всех вокруг? Очень хорошо, — объявила леди Камилла. — Потому что, по имеющимся у меня сведениям, где-то здесь живет миссис Пламптон, у которой вот уже несколько лет моя экономка покупает апельсиновый джем. Мармелад.

— И что же случилось?

— Ну, сегодня я, можно сказать, осталась без завтрака! Мармелад нам не доставили. А поскольку посланец до миссис Пламптон не достучался, моя прогулка с собакой завела меня вот в этот переулок. Я, знаете ли,

очень люблю загадочные истории, — с достоинством добавила она.

— И мармелад, — улыбнулся чинец.

— Вот именно. Так знакомы ли вы, господин Ли Бэй, с почтенной старушкой? Если она заболела, не нужно ли вызвать к ней мага-медика или поместить в больницу?..

Леди Камилла осеклась, потому что чинец покачивал головой с очень мрачным видом. Потом он встал и, не говоря ни слова, вышел, оставив даму просто кипящей от неудовлетворенного любопытства. Впрочем, отсутствовал он недолго — не прошло и пяти минут, как господин Ли вернулся, держа в руках ярко-синий кристалл. Снова сев за стол, он сжал кристалл, и перед Камиллой появился объемный магоснимок: группа людей, сидящих на клетчатых пледах где-то в парке, на пикнике. Тонкий палец с длинным желтоватым ногтем указывал поочередно на каждого, а печальный голос пояснил:

— Это, как может видеть милостивая госпожа, я сам. Это мой брат Чунг, он сейчас в отъезде. Это мой приемный сын Марк. Это его жена Джейн.

Марк был широкоплечим, высоченным и рыжим, и его происхождение откуда-то из-под Абердина читалось очень легко. Джейн выглядела хрупкой только на фоне здоровяка мужа, ее короткие волосы были выкрашены в синий цвет и стояли гребнем, а в правом ухе красовалась большая золотая серьга. Приемный отец рядом с ними казался совсем крошечным.

— Очаровательное семейство, — согласилась леди. Добродетель терпения ей привили еще в детстве.

— Фамилия Марка — Пламптон, — пояснил Ли.

— Ой, — сказала Камилла. — Ой-ой-ой! Вы хотите сказать, что дивный, волшебный апельсиновый

мармелад варился на вашей кухне, где-то между карпом-белкой и супом с побегами бамбука?

— Боюсь, что это так...

— Тогда, значит, я пришла по адресу! И прошу от вас сведений, как же так получилось, что договоренность не была соблюдена?

— Дело в том, миледи, что Джейн исчезла. — Ли Бэй опустил глаза, его пальцы крутили бумажную салфетку, складывая ее в птичку.

— Исчезла? Давно?

— Два дня назад.

— А Марк?

— А Марк в командировке, уже почти месяц.

— Может быть, Джейн так соскучилась по нему, что сорвалась с места и отправилась следом?

— Нет, миледи, это невозможно. Во-первых, она предупредила бы меня. Во-вторых, Марк... на особом задании, и никто из нас не знает, где именно. Он работает на Службу магбезопасности, — пояснил Ли.

— А что говорит городская стража? Вы ведь туда заявили?

— Сказали, что будут искать, — пожал плечами чинец. — Осмотрели их квартиру, ничего полезного не нашли.

Камилла вздохнула.

Любопытство было сильнее ее, да и старика было жаль, он переживал всерьез.

— Скажите, господин Ли, а чем Джейн занималась? Ну, помимо варки мармелада?

— Она работала секретаршей, миледи.

— У кого?

— Ни у кого. Агентство направляло ее в качестве замены на временную работу. Знаете, бывает так, что

большой босс никак не может подобрать секретаря, или что-то случилось и место пустует. Вот в таких случаях звонят мисс Силверстон и просят прислать Джейн Пламптон.

— Как интересно... А я и не знала, что такое бывает! Хотя и ни к чему было: у моего покойного мужа был один-единственный секретарь, работавший с ним больше сорока лет.

— А у вас, миледи, нет секретаря? Кто же пишет приглашения многочисленным гостям или протоколы заседаний благотворительных фондов?

— О, устройство званых ужинов и благотворительные комитеты я полностью переложила на плечи невестки. Ей это нравится, — улыбнулась леди Камилла, после чего вернулась к прежней теме. — Так значит, Джейн работала подменным секретарем? А она не планировала перейти куда-то на постоянную работу?

— Нет, ей нравилось именно так. Да и денег получалось куда больше. Стражники и в агентстве побывали, я говорил с мисс Силверстон.

— Угу... — Ненадолго задумавшись, леди Камилла ослепительно улыбнулась. — Господин Ли, а могу ли я тоже посмотреть квартиру, где живут Марк и Джейн? Вдруг женский глаз заметит что-то, чего не увидели мужланы из городской стражи?

— Конечно, миледи, прошу вас. Это рядом, соседняя дверь. Их квартира на втором этаже, третий занимают мистер и миссис Фортескью, четвертый — сестры Торнби, и к ним вход с другой стороны здания.

Леди Камилла подхватила сладко спящего Бони и следом за чиньцем пошла к выходу.

— Получается, вы живете вместе с сыном и невесткой?

— Нет, миледи, у меня есть комната тут, рядом с рестораном.

— Но почему? — Камилла застыла на месте.

В ее глазах акции Марка и Джейн только что резко пошли вниз.

Ли Бэй тоже остановился и с улыбкой повернулся к госте.

— Тому много причин, миледи. Во-первых, и мне, и детям было бы неудобно жить в одной квартире. Там маловато места, две спальни и гостиная, зато квартира принадлежит нам. Я старый человек, плохо сплю, ночью часто встаю, чтобы выпить чаю и подумать, понимаете?

Леди Конвей кивнула.

— Во-вторых, — продолжал Ли, — ресторан работает допоздна и открывается рано. Я всегда здесь и могу за всем присмотреть, поправить повара, да просто пригласить задумавшегося гостя, как сегодня пригласил вас.

Камилла кивнула еще раз.

— Ну, и в-третьих, Фань просто влюбился в Джейн с той минуты, как она появилась в нашем доме, и его чувства нередко бывают... утомительны.

— Фань — это кто? Какой-то родственник?

— Можно и так сказать... Минуту, миледи, я вам его представлю!

Старик скрылся где-то в глубине ресторана за занавеской из мелодично постукивающих кусочков бамбука. «То есть какой-то чиньский юноша влюбился в его невестку, и Ли так спокойно об этом говорит? Да ну, вздор, должно быть какое-то другое объяснение!» — думала леди Камилла, почесывая за ухом дремлющего песика.

Через минуту Ли появился из-за занавески, с явным усилием неся на руках огромного рыжего кота. Тот